

УДК 821.161.1

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДНЕВНИКОВОЙ ФОРМЫ
КАК ПРОЯВЛЕНИЕ АВТОРСКОГО САМОСОЗНАНИЯ
В ПУТЕВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА**

О.С. Тополова

Аннотация

В статье проанализированы особенности использования дневниковой формы в путевых записках второй половины XVIII века. Рассматриваются традиционные черты путевого дневника как жанра, изменения в организации его повествования, композиционной структуре, связанные с развитием индивидуального начала в путевых сочинениях второй половины XVIII века и их сближением с художественной литературой (стремление писателей-путешественников запечатлеть в произведении свои мировоззренческие позиции, внутренний мир).

Ключевые слова: дневник, дневниковая форма, путешествие, русская путевая литература XVIII века, светские путевые записки.

Во второй половине XVIII века перемены, связанные с административным переустройством России, развитием книгопечатания и журналистики, привели к тому, что словесное искусство обрело ярко выраженные светские черты, в литературе произошло открытие обычного человека, не игравшего заметной роли в исторических судьбах государств и народов, но тем не менее интересного как личность.

По мере того, как человек начинает осознавать свою индивидуальность, появляется желание записать, сохранить для себя и потомков свои наблюдения, поделиться с современниками опытом, мыслями, эмоциями и чувствами. Развивается мемуарная литература, которая включает такие жанровые разновидности, как дневник, записки, воспоминания, автобиография¹. Не случайно М.М. Бахтин образно определил жанр как память искусства и уточнил, что «в жанрах... на протяжении веков их жизни накаплиются формы видения и осмысления определенных сторон мира» [1, с. 351].

Светские путевые записки, активное развитие которых относится к эпохе Петра I, во второй половине XVIII века испытывают жанровые изменения, связанные с общелитературным процессом «открытия человека», усилением пси-

---

¹ Данный факт выявляют литературоведы, в частности Н.А. Николина («Поэтика русской автобиографической прозы»), А.Г. Тартаковский («Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в.»), Г.Е. Гюбиева («Этапы развития русской мемуарно-автобиографической литературы XVIII века») и др. Эволюции мемуарной литературы и проблемам мемуарно-автобиографической прозы в XVIII в. посвящены также исследования Л.Я. Гинзбург, Г.Г. Елизаветиной, М.Я. Билинкиса.

хологизма и увеличением интереса к бытописательству. Преодоление жанровых традиций, в результате которого путевые записи обретают форму дневника (или журнала), находит отражение в заглавиях произведений: «Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по различным провинциям Российского государства, в 1769 и 1770 году», «Дневник 1782–1783» А.У. Болотникова и Н.Я. Озерецковского, «Дневник путешествия неустановленного лица по немецким землям, 1786 г.», «Журнал путешествия по Германии, Италии, Франции и Англии» В.Н. Зиновьева и т. д. При этом число индивидуальных авторских названий текстов растет, они перестают быть шаблонными, что, в свою очередь, отражает основные направления эволюции этого структурного элемента литературного произведения: «Заглавие теряло свое единообразие, традиционность, становилось индивидуально-авторским высказыванием о тексте. Соответственно менялись и функции заглавия» [2, с. 18].

Традиционно дневниковая форма записи характеризуется рядом особенностей: периодичностью и регулярностью ведения записей; их связью с текущими событиями; спонтанностью; частным характером; литературной необработанностью; безадресностью или неопределенностью адресата. Не в качестве жанра художественной литературы дневник обычно тяготеет либо к официальному документу, либо к частной (бытовой) записи (см. [3, с. 232]). В обоих случаях он удовлетворяет потребности человека в наблюдении и определяется необходимостью фиксировать текущие изменения. Однако при внешней заданности передачи фактов дневник остается книгой, основанной на переживаниях повествователя, поэтому материал подается с личностно-индивидуальной точки зрения. По мнению А.Г. Тартаковского, эта жанровая форма, предлагающая непритязательный, доступный в повседневной житейской практике способ закрепления впечатлений о себе и своем времени, не требующая ни развитого исторического мышления, ни литературного опыта, в большей мере отвечала духовным запросам общества (см. [4, с. 33]).

Использованию дневниковой формы писателями способствовали предоставляемые самим жанром возможности для самовыражения автора. Как отмечает Н.Д. Кочеткова, сочетание авторского и событийного повествовательных рядов позволяло достичь эпического осмысления действительности при сохранении сравнительно несложной композиции рассказа. Комментирующий события автор в повествовательной ткани произведения мог соединиться с повествователем, беспристрастно наблюдающим за происходящим со стороны, или, напротив, обрести собственный взволнованный голос очевидца захвативших его событий или переживаний (см. [5, с. 229]). Дневник, образующий «ключевую точку всей сферы автобиографического, превращается из строго документального жанра в жанр, порой неотделимый от психологического этюда, который может войти и в письмо, и в мемуары, и в собственно художественное произведение» [5, с. 224].

Во второй половине XVIII века представители русского дворянства, знаменитых купеческих семей отправлялись в путешествия по Европе с целью получить образование в высших учебных заведениях, изучить европейскую культуру и современные тенденции в литературе и философии. Свои впечатления от увиденного, мысли о нем путешественники отражали в дневниках, где центральное

место занимал образ автора, который под влиянием гуманистических идей времени получил новую трактовку: это личность, живущая и действующая в социально и исторически обусловленной среде. Кроме того, в это время происходит активное изучение территорий России, ее народонаселения, в связи с чем появляется большое количество путевых дневников, созданных во время путешествий с научно-исследовательскими целями.

На содержание путевых записок оказывали влияние личность автора, особенности его мировоззрения, уровень образованности и таланта, жизненный опыт и склад ума. Повествователь в литературе «путешествий» являлся «мерилом достоверности рассказа» [6, с. 101]. Поэтому основными признаками образа автора в произведениях этого жанра являются: информированность о событиях и проявлениях внешней и внутренней жизни людей, ориентация на достоверность описываемых фактов и в тоже время субъективность их интерпретации. Автор-повествователь мог использовать разнородный по характеру материал, подчиняя его отбор личным целям, своим взглядам. К примеру, Самуил Готтлиб Гмелин выстроил повествование в «Путешествии по России для исследования трех царств природы» по ретроспективному принципу, предполагающему отсроченную фиксацию событий путешествия, в результате чего наблюдается несоответствие последовательности посещения объектов в действительности и порядок их изображения в произведении: «О Ахтубе буду говорить в другом месте, а здесь только упомяну о сем, что берег сей реки от начала ее инде высок и крут, а инде бугрист и состоит из глины, с песком смешанной» (Гм., с. 266–267).

Если в текстах петровского времени только проступали конкретные черты авторской личности, то во второй половине XVIII века соединение путевых записок с жанром дневника привело к значительному усилению индивидуально-авторского начала. В ряде произведений писатели-путешественники устанавливают критерии своей творческой работы, оговаривают собственное видение целесообразности и перспектив выходящих из-под их пера материалов.

В частности, Иван Иванович Лепехин определяет стиль «Дневных записок путешествия по разным провинциям российского государства» и методику отбора материала следующим образом: «Мне случалось от них много проведать самому такого, о чем другие не писали. Рассказывать клочками мои примечания было бы без вкуса; и прошу позволить старое смешать с новым и приобщить краткое описание сих народов» (цит. по [7, с. 32]).

Алексей Владимирович Салтыков описывает свое путешествие в путевом дневнике то от первого, то от третьего лица, называя себя «влюбленный сочинитель журнала» (Салт., с. 47). Последнее характерно для начала произведения, затем рассказ ведется от первого лица. Переход от одной формы повествования к другой в тексте является сигналом эмоциональной значимости для автора определенных событий, служит созданию лирической или иронической экспрессии. В данном случае в сочинении находит место авторская ирония, направленная на самого повествователя (самоирония), причина которой – стремление спрятать чувства и переживания под маской смеха в связи с влюбленностью. Свое настроение автор передает такими словами, как «влюбленный», «очень чувствителен», «скромен», «в унынии», «с унынием». Одновременно с этим

использование повествования от третьего лица позволяет ему быть откровенным с читателем и не бояться упреков в раскрытии глубоко личных переживаний.

Путевой журнал Василия Николаевича Зиновьева, по определению самого автора, создан для перечитывания в дружеском кругу и вспоминания о поездке, в связи с чем повествование строится в виде писем графу С.Р. Воронцову: «Через непредвиденный случай будем иметь я и ты большое удовольствие, когда мы увидимся и вместе сие читать будем» (Зин., с. 335). В.Н. Зиновьев не берет на себя роли писателя, обосновывая это отсутствием литературного таланта, отмечая пространность и беспорядочность записей, свою забывчивость по отношению к их ведению: «...Дневная записка так беспорядочна. <...> Ты сам знаешь, какая скверная у меня память на это: писав примечания свои, забываю имя тех, о которых пишу, оставляю для сего белое место, чтобы об них спросить, и, получа повторение, – вторично забываю» (Зин., с. 357). Он откровенно называет записки «мараньем», однако сообщает, что выбрасывать или оставлять их на произвол судьбы не собирается, так как «никакого сочинения без онаго» из рук не выпускает (Зин., с. 353). Ведение журнала путешествия оценивается автором одновременно и с прагматической позиции как средство воспитательно-организующего плана, и с точки зрения психологического состояния: «В Лейпциге я заболел; “нет однако же, – как пословица говорит, – худа без добра”. Так как продолжение сей болезни меня паки в Лейпциге остановило, то, 1-е, вздумал я свой журнал вести, что теперь за весьма полезное считаю, и 2-е, и весьма важное, что там имел случай утвердить себя в правилах своих, которых, чрез разныя мысли, зачали было колебаться» (Зин., с. 341).

По замечанию В.В. Виноградова, образ автора, «как и всякая словесная форма... структурирен, т. е. является единством формальных “сочленений”, которые обусловлены многообразием речевой экспрессии» [8, с. 189]. Композиционная организация текста во второй половине XVIII в. также полностью подчиняется авторскому замыслу, его индивидуальным задачам, в результате чего значительно варьируется традиционная для путевых записок трехчастная структура.

Дневник Алексея Ульяновича Болотникова и Николая Яковлевича Озерецковского, веденный по поручению Екатерины II во время сопровождения Алексея Бобринского в путешествии по Европе с учебно-образовательной целью, начинается и заканчивается с лирического отступления, не связанного по содержанию с основной частью. Вступление представляет собой размышление автора о своем предназначении в жизни, о стремлении принести пользу обществу, «публичному делу»: «Наконец, пусть как истина, или как утешение я принял с восхищением надежду, что в сии ль времена, иль в другие найдут в моих сочинениях некоторые мнения, некоторые мысли, кои соединят меня по смерти моей друзьям в России и друзьям человечества» (Бол_Оз, с. 277). В конце дневника он пишет о богатстве России, ее удобном географическом положении и дает заглавие «О России вообще» фрагменту, в котором называет государство Российское наипространнейшим «из всех бывших и теперь находящихся известных государств», обладающим обширными степями, множеством «видимых курганов», выгодным расположением судоходных рек: «Природа, разсеяв полную рукою дары свои по всему пространству земель сей империи, каждая провинция имеет свои особенныя произведения» (Бол_Оз, с. 355). В обоих лирических

отступлениях раскрывается образ писателя-путешественника, которому свойственна прежде всего любовь к своему отечеству. И хотя в основной части дневника также выражено исповедальное начало, наиболее ярко оно заявляет о себе именно во вступлении, в котором повествование не случайно ведется от первого лица единственного числа, в то время как в остальном тексте – от первого лица множественного числа. В данном случае местоимение «мы» используется для указания на повествователя и других лиц, совершающих путешествие вместе с создателем дневника.

Журнал графа Алексея Владимировича Салтыкова состоит из двух равных по объему частей. Первая – это описание пути в виде дневниковых записей, вторая имеет название «Пребывание в Сарепте». Так озаглавил ее сам автор, рассказав о достопримечательностях Сарепты и празднике, посвященном дню основания города, но уже без указания даты и времени его посещения. При этом журнал графа, как и предыдущий памятник, завершается поэтическим отступлением: «Скоро солнце, осветив Сарепту, меня не увидит в ней. Я, в путешествии своем, описывал людей в точном их виде. Много бы еще можно сказать о здешних жителях; но учтивости, которыми они осыпают нас, побуждают долг путешественника уступить долгу благодарности» (Салт., с. 80).

В рамках общелитературной тенденции в путевых дневниках появляются предисловия, которые устанавливают «новую парадигму взаимоотношений автора и читателя, основанную на частных, приватных, дружеских его отношениях, что связано с отказом писателей от единых критериев в оценке мира и человека, единых “кодифицирующих” установок в художественном творчестве» [9, с. 5]. Например, неизвестный автор «Дорожных записок 1797 г.» в предисловии, которое написал «из предосторожности... и сообразуясь моде», акцентирует внимание на цели создания текста – «начертать на бумаге чувства». Готовя произведение к изданию и при этом не исключая отрицательной оценки сочинения читателями или критиками, он подчеркивает, что «дорожная записка не есть роман» и, если в ней «найдут негладкость слога, грамматические погрешности, выражения не самые отборные, худой размер периодов», объяснить это следует тем, что автор «не озабочивал себя наблюдением сих мелочных подробностей, и чрез неисправность такового рода желал показать что сие произведение есть не грамматиста, но человека имеющего сердце» (ДЗ, с. 217). Литературное предисловие связано прежде всего с направленностью произведения. При этом предисловие выполняет разные функции по отношению к тексту, прежде всего организующую: «придает произведению характер завершенности, усиливает его внутреннее единство, обнаруживает присутствие автора в произведении, его ориентацию на определенного адресата» [3, с. 848].

Действительно, заданный эмоциональный тон повествования и целеустановка неизвестного автора «Дорожных записок 1797 г.» «начертать чувства» выдерживаются на протяжении всего произведения. Повествование имеет исповедальный характер, который находит выражение в воспоминании о друге и о любви. Объект изображения является второстепенным, главное – мысли и чувства, которые под его воздействием возникают у автора-путешественника: «Я должен был чувствовать различно по обстоятельствам, в коих находился;

кроме того движению, течению времени и даже погод, надлежало действовать сколько нибудь на мою душу» (ДЗ, с. 217). Наблюдается закономерная связь интонации очерковых зарисовок с эмоциональным состоянием путешественника. Автором его записки воспринимаются как отражение собственной души, что сближает текст с мемуарной литературой: «Моя дорожная записка мне нравится, может быть для того что моя, и что я могу смотреться в нее как будто бы в зеркало» (ДЗ, с. 216). Иногда в текст включаются письма или описания чувств путешественника в форме обращения к конкретному адресату, что также свидетельствует о связи с эпистолярными жанрами литературы. К примеру, «Милая! Сколь часто воображение, лъстя сильнейшей привязанности души моей, являет мне тебя! И изъясняю тебе мои чувствования, ты выслушиваешь меня благосклонно, ты соглашаешься быть моею!» (ДЗ, с. 224); «Вы друзья мои! Не забывайте меня, утешайте горесть мою частыми письменными уверениями, что ваши чувства ко мне не переменялись!» (ДЗ, с. 227).

Кроме того, в «Дорожных записках» ярко выражен элемент психологизма, получивший развитие в реалистической литературе: автор записок пересказывает четыре своих сна, в которых нашли отражение печаль и переживания о разлуке с возлюбленной: «Я во сне наслаждался благополучием, которым долго не пользоваться мне наяву: видел любезную, прогуливался с нею, обращал к ней речь, и она отвечала мне благосклонно: она удивляла меня своим разумом и своею скромностию, так как это было в три незабвенных для меня вечера» (ДЗ, с. 218). Произведение насыщено экспрессивной лексикой, риторическими обращениями и восклицаниями, что противоречит документальной основе литературы путешествий: «должность, мучительная сердцу моему», «свойства души ея», «друг сердца моего», «милая», «сей вздох из самой глубины моего сердца», «увы», «желая утешить его сострадательное сердце», «пока достигну мест в коих судьба осуждает меня вести дни мои», «мне грустно». Так, желая придать путевым дневникам неповторимость, индивидуальность писатели-путешественники используют в повествовании поэтические стилистические элементы, позволяющие раскрывать мировосприятие автора, его чувства, эстетические взгляды.

Одним из способов самовыражения автора в путевых дневниках стало сатирическое начало. Во второй половине XVIII века высокий уровень самосознания и самооценки привели писателей к критическому осмыслению действительности, к обнаружению явных противоречий между реальным и идеальным в жизни человека и общества и, в конечном счете, к активному развитию смеховой культуры. Так, Н.Я. Озерецковский в «Дневнике» дает точные язвительные характеристики первым людям России, например, московскому губернатору П.И. Архарову: «Он мог бы иметь всеобщую любовь и уважение, но крутой нрав и надменность жены в том ему верно препятствуют» (Бол_Оз, с. 281). В журнале А.В. Салтыкова с юмором отмечаются необразованность, непросвещенность представителей провинциального дворянского сословия, ограниченность их образа жизни. Например, в хозяйке светского обеда, устроенного в честь прибывших гостей, Салтыков высмеивает болтливость: «Спешила пересказать все, что с пятилетнего ея возраста с нею случилось, а ей было 40 лет!» (Салт., с. 54).

Причиной такого «порока», по мнению автора, является то, что героиня отдалена от общества: «Она живет... в 10 верстах от города, иногда случится проехать через город какому-нибудь путешественнику, то посылают за нею нарочно – быть душою разговора» (Салт., с. 54).

Авторское слово о мире и человеке доносит до читателя религиозно-философские, социально-политические и литературно-эстетические взгляды путешественника. В этот период в путевых дневниках значительно развивается публицистическое начало, так как русская литература впитывает традиции западной просветительской журналистики. Центральными проблемами отечественных периодических изданий и некоторых путевых дневников являются произвол местных властей, крестьянский вопрос, развитие Европы и России. К примеру, А.В. Салтыков, описывая в путевом дневнике быт российских деревень, отмечает низкий уровень жизни простого народа. Чем дальше в южные степи углублялись путешественники, тем четче вырисовывался контраст: богатая природа, поля, изобильные хлебом, живописные рощи, но при этом нищие дома, убогая обстановка: «Обедали в деревне Шинках, где не нашли даже одного сарая, где бы остановиться; одевались по свиным хлевам. Трудно поверить, чтоб люди могли жить под таким покровом, как тамошние избы, хотя многие из крестьян богаты скотом и хлебом, имеют до 100 лошадей и до 500 овец! Ночевать приехали в Хоперскую крепость: строение самое бедное, крепость земляная, местоположение довольно приятное» (Салт., с. 63). Н.Я. Озерецковский в «Путешествии по озерам Ладожскому, Онежскому и вокруг Ильменя» с возмущением писал о случаях произвола, незаконных поборов с крестьян. П.С. Палласа в «Путешествии по разным провинциям Российской империи», И.И. Лепехина в «Записках путешествия» волновала проблема отношения человека к природе, они нередко сопоставляли жизнь и быт россиян и европейцев, отмечая общее и отличное в них. При этом подход к социальным, экономическим и политическим проблемам, форма и объем посвященного их рассмотрению текста были исключительно индивидуальны и подчинены устремлениям и желаниям автора путевых дневников.

Таким образом, форма дневника в литературе путешествий второй половины XVIII в. способствовала активному развитию самосознания автора во всей своей конкретности. Авторское «Я» в путевом дневнике не растворяется в формах общего, автор воспринимается как отдельная, отличающаяся от других личность, имеющая право выражать свои мысли, чувства, мировоззрение, в том числе в текстах, которые становятся отражением объективного мира и души автора. По мнению литературоведов, начиная с 1760 г. динамично развивается личностное начало, что «позволило русской литературе достичь уровня других литератур нового времени» [10, с. 461]. Писатели-путешественники стремятся уйти от однозначности литературных стереотипов и шаблонов, сформировать представление о непрерывающейся работе сознания, демонстрируя творческое усвоение традиционных форм и развитие нового отношения к жанру как гибкой структуре, подчиненной индивидуальной задаче автора.

Summary

O.S. Topolova. The Use of Diary Form as a Demonstration of an Author's Identity in the Travel Literature of the Second Half of the 18th Century.

In this article, we analyze the specificity of using diary form in the travel notes of the second half of the 18th century. We consider the traditional features of travel diary as a genre and the changes in its narrative organization and compositional structure, which were due to the growth of individualism in the travel writings of the period and their becoming closer to fiction (the tendency of travel writers to reflect their world-view and inner world in their works).

Key words: diary, diary form, travel, Russian travel literature of the 18th century, secular travel notes.

Источники

- Салт. – *Салтыков А.В.* Записки путешественника в Сарепту (Журнал графа С-ва) // Памятник отечественных муз. – СПб.: Тип. А. Смирдина, 1827. – С. 47–80.
- Зин. – *Зиновьев В.Н.* Журнал путешествия по Германии, Италии, Франции и Англии // Россия и Запад: горизонты взаимопознания. – М.: ИМЛИ РАН, 2008. – Вып. 3: Литературные источники последней трети XVIII века. – С. 335–380.
- ДЗ – Дорожные записки 1797 года // Щукинский сборник. – М.: А.И. Мамонтов, 1903. – Вып. 2. – С. 216–227.
- Бол_Оз – *Болотников А.У., Озерецковский Н.Я.* Дневник. 1779–1786 // Русский путешественник эпохи Просвещения / Сост. С.А. Козлов. – СПб.: Ист. ил., 2003. – Т. 1. – С. 277–356.
- Гм. – *Гмелин С.Г.* Путешествие по России для исследования трех царств природы // Исторические путешествия (Извлечения из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге в XV – XVIII вв.) / Сост. В. Алексеев. – Сталинград: Краев. книгоизд-во, 1936.

Литература

1. *Бахтин М.М.* Ответ на вопрос редакции «Нового мира» // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – С. 347–354.
2. *Кожина Н.А.* Заглавие художественного произведения: структура, функции, типология (на материале русской прозы XIX – XX вв.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1986. – 21 с.
3. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. – М.: Интелвак, 2003. – 1600 с.
4. *Тартаковский А.Г.* Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. – М.: Наука, 1991. – 288 с.
5. *Кочеткова Н.Д.* Литература русского сентиментализма. Эстетические и художественные искания. – СПб.: Наука, 1994. – 279 с.
6. *Травников С.Н.* Путевые записки петровского времени. Поэтика жанра: Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1991. – 340 с.
7. *Фрадкин Н.Г.* Путешествия И.И. Лепехина, Н.Я. Озерецковского, В.Ф. Зуева. – М.: ОГИЗ – Географгиз, 1948. – 95 с.
8. *Виноградов В.В.* О теории художественной речи. – М.: Высш. шк., 1971. – 240 с.

9. *Тюна В.И.* К новой парадигме литературоведческого знания // Эстетический дискурс. Семио-эстетические исследования в области литературы. – Новосибирск: НГУ, 1991. – С. 4–16.
10. История русской литературы: в 4 т. – Л.: Наука, 1980. – Т. 1. – 814 с.

Поступила в редакцию
15.05.12

Тополова Ольга Сергеевна – ведущий эксперт отдела семейной и демографической политики Министерства образования Рязанской области, г. Рязань.
E-mail: *Topolova.Olga@yandex.ru, tos@min-obr.ru*